

Виктория Александровна Шишкина родилась 16 августа 1984 года в Республике Удмуртия. Училась и жила в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа. В 2012 году вместе с мужем и детьми переехала в Оренбург. Окончила Ижевский государственный технический университет по специальности «Системы автоматизированного проектирования». Работает преподавателем в Оренбургском колледже экономики и информатики, учится в магистратуре Оренбургского государственного университета. Публиковалась в газете «Наш город» (2003–2010), на Национальном сервере поэзии Stihi.ru с 2014 года.

ЗДЕСЬ ОЗНОБ

Виктория Шишкина

Виктория Шишкина

ЗДЕСЬ ОЗНОБ

Виктория Шишкина

**ЗДЕСЬ
ОЗНОБЬ**

Стихотворения

Оренбург 2016

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Ш 65

Эта книга издана при поддержке
правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Ш 65

Виктория Шишкина. Здесь озноб. Стихотворения. –
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2016. – 32 с.

© Виктория Шишкина, стихи, 2016 г.
© Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, 2016 г.

Дорога в обратную сторону

Железной дороге под силу лечить меня,
Билет проверять на ошибочность в именах,
Бежать вдоль вагонов за рельсовой
кривизной
И как ингаляцию впитывать креозот.

Пусть лекари-машинисты (не мал-мала –
Затылки и бороды сношены догола)
Сулят, что любая недужь проходит сквозь,
Как перед Сургутом железнодорожный
мост.

Лечи меня, воскрешай, ведь уже видать
Дорогу в обратную сторону – навсегда.
Летят поездами, едва поспевая, дни
Привычных к коротким прощаниям
проводниц.

Сливаются снежные окна в видеоряд.
Сосед по купе, как сугробы, голубоват.
Но только дороге под силу меня лечить
Маршрутом «С перрона –
И к черту на куличи».

Демисезон

Нынешний март не сбывает ни метео-,
ни положительных астропрогнозов.
Что я забыла на улице этой, если туда
даже дворники месяц не кажут носа.
Ветер срывает кабель, пытаюсь снять
напряжение и избежать вопросов.
Мы проживаем эту весну, как лютую,
разведенную, злую осень.

А впереди еще сотни аморфных часов,
и это не мало по современным меркам.
Это почти терабайт стихов и сорок
сеансов кино до того момента,
Кода расплавленный антициклон
захватит нас, как военнопленных.
Я выживаю назло, как выживают мышата
по окончании эксперимента.

И если, скажем, на эту весну в ваших
графиках уйма пустого места,
Ничего глобального вроде там революции
в области или на факультете,
И если вы не умеете плакать вслух,
только множитесь файлами .doc
на своем планшете,
Значит, стоит узнать друг друга ближе
и отныне держаться вместе.

Выходное

Антонина Семеновна верит в Бога
по выходным.
Антонина не ищет боженьку в рукотворном,
Ни в пустом ее доме, большом,
просторном,
Ни в бутылке старой святой воды.
Антонина также верит в ботокс и тренажер.
Слава богу, давно забыто сидение на мели.
И недавно пиратом ветреным Сомали
Потерялся ее молоденький ухажер.
Антонина ничуть не жалеет. Да и о ком?
У нее в смартфоне похожих еще десяток.
Антонина Семеновна ходит на свой балкон
Покурить в японском цветном халате.
Отчего Антонине Семеновне нелегко?
Для чего вообще вспоминать ей порой
о Боге
В хищном пламени бриллиантовых
огоньков,
Озаряющих каждый угол ее берлоги?
Потому что Бог говорит с нею,
как с родным
Человеком, достигшим вершины дна.
Потому что если Тоня не верит
в Бога по выходным,
Остается совсем одна.

Ямальское

Застывшей на лихом ветру слезой,
Гудящим холодом, ползущим из-под низу,
Непоборимых северных лесов
Таежный воздух так же зол и близок.
У нас, закрытых в пластик и песок,
Остались в памяти сугробы на карнизах,
И крик олений, и озерный ров,
И полулето – отстрелившей гильзой.
Из всех глубин, святых ее низов
Звала тайга сквозь ледяную призму.
Но мы, пожалуй, не идем на зов,
Скорее, отправляемся на вызов.

О похоти

А теперь я многое поняла из того,
что считала смешным доньше.
Как становишься немощна и гола,
если Бог подарки свои отнимет.
Как из всех колючих амурских стрел
ни одна, конечно, не смажет мимо.
Как из всех, кто ласки твоей хотел,
от него отвлечься невыносимо.
Как катаешь имя его во рту
карамельной ягодною конфеткой.
Как горит внутри, и лихая ртуть
поднялась до самой последней метки.
Если сердце вырваться норовит
и нырнуть комком под его плечо.
Если это не о любви, то тогда о чем?

Золото

И ты родился на этот свет. И закричал.
И ты пошел и узнал слова. Всего-то дел.
И я пишу им свои стихи. Они торчат.
И градус пафоса поднялся. И закипел.

И как ты рос. И в седую синь
Бросал молитвами сгоряча.
Но сколько ангелов ни проси,
Они молчат.
Ни пользы нет от них, ни вреда,
Лишь тараканами в голове.
И ты – такая же ерунда,
Но человек.

И был приветлив концертный зал,
И микрофонно-красноречив.
И мы бы много могли сказать,
Но мы молчим.
И мы молчим, сколько будет сил.
И мы молчим, сколько хватит щек.
И это Боже нас так хранил,
И сам Господь это нас берег.

И ты берешься за те слова,
Что только смертному по плечу.
А мне советовали молчать.
И я молчу.

Миха

Миха спит. Он почти устал.
Мутный спидометр считает ему до ста.
Миха, они отложат победный старт,
Миха, они из тех, кому ты был нужен.
Не поднимайся – откуда не видно дна.
Им не догнать тебя, Мишенька, не догнать.
Ты можешь спать. Отмерено много сна
Лаковым рысакам из твоих конюшен.
Знай свое дело, прославленный Айболит.
Вот он, наш опрокинувшийся болид.
Весь этот мир вполголоса говорит,
Как ты бежал и где ты остановился.

Миха проснулся в стране незнакомых стен.
Жизнь. Закипает жизнь внутри сотен вен.
Это был день. Обычный счастливый день.
И никуда этот мальчик не торопился.

Перьевое

И давно мне не пишется запросто и легко.
Каждой рифме – суд, каждой третьей –
казнь,
Не срываются с языка, не звенят упруго,
И подаренные когда-то крылья
висят рюкзаком,
И Господь уже не подкидывает
новых фраз,
Вот такие, брат, поэтические потуги.

Но кому, как не нам,
верить в стоимость ремесла.
Глупо тыкать в глагольную рифму,
как мордой в лужу.
Каждый сам себе критик и сам себе
памятник из гранита.
А хотелось бы плот, океан,
два коротких весла...
Но сперва в стихотворное выверну душу:
Отработаю крылья, выданные кредитом.

Любовная лирика

говорили же: в этом доме любовью дышат
в каждой комнате – от погребов

до крыши.

Жучке, внучке, кошке, последней мыши –
всякой твари количеством две и свыше –

будто лили нектар любви напрямиком

в постель,

добавляли в вечерний чай, молоко, кисель,
будто вечно пел за щербатым окном

апрель,

и понурый дом смеялся и розовел.

а когда промелькнул над домом

цветной сполох,

то увидел каждый, кто захотел и смог:

на нестиранной куче белья и постельных

блох

кастелянша с каптером,

застигнутые врасплох.

даже сладко, будто кто пересахарил
или вовсе выбросил унылые календари.

и от этой любви, обращенной со сцены

в зал,

дом поежился, вздрогнул, но, знаете,

устоял.

Темнота

Только мысли останутся видными
в темноте,
Испаряясь неоновой дымкой от наших тел.
Он сегодня не стал мне другом,
не захотел...
Может, шепчут ему знакомые мудрецы –
Он меня изгоняет криком до хрипотцы,
Как безумный падре и съехавший
экзорцист.
Просто я не исчезну, песком не пойду
ко дну.
Темнота каждый день оставляет меня
одну.
И владеет мыслями, не отпустив уснуть,
Точно бреет наголо, так обнажая суть.
Для него не жалко волоса с головы,
Я служить ему буду ангелом тыловым,
И я твердо знаю, в чем я себе клянусь.
Темнота сохранит его в крепком своем
плену.

Отбой

Потому что, когда темнота открывает
дверь,
Ты послушно меняешь зрение
на осязание,
И становится карточным домом земная
твердь,
И твой маленький мир узнаваем
в одно касание.

Потому что его молчание – не серебро,
А гремящие тридцать сребреников
обида.
И никто не вселялся, и никто не живет
под ребром,
Просто в сыгранной партии
все его карты биты.

И теперь – хоть набат,
хоть тревожный гудок трубы
По родной душе, отпустившей тебя
на свободу.
Потому что, когда ты его перестанешь
любить,
Это джокер. И он самый главный
в колоде.

Мамина песня

Мама мне пела, чтобы я лучше спал.
Голос ее фальшивил. Еще дрожал.
Голос такой из тонких пчелиных жал,
Вот почему я лежал и лежал спокойно.
Мама так пела, будто бы это боль
Ей не давала вытянуть си бемоль.
Вроде бы пела, что жил-был один король,
Только лицо печальнее, чем икона.
И не читает, не вяжет, не говорит,
Не сочиняет китайские фонари.
Так у меня начинается страннеть внутри,
Если она поет у моей кровати.
Мы оставляем в кухне негромкий свет,
Мы с ней вдвоем, и у нас посторонних нет.
Мама допела последний уже куплет.
– Хочешь еще?
– Нет, – говорю ей, – хватит.

Такое время

Времени нет объяснять.

Несмотря на его неделимость
и бесконечность.

Время – текучая жидкость,
неуловимый газ.

Острые стрелки и фосфорные насечки
Работают против нас.

А точнее – время не «за» и не «против».
Под его капотом
Роторы крутят тулуп, в кабине визжание
стартера.

И к вопросу, кто на кого работает, –
Так это мы его нищие гастарбайтеры.

Время страшней облысения или ангины.
Мальчики не боятся ни пауков,
ни отбитой почки,
Но скажи им, что время исчерпано ровно
наполовину,
Затеребят платочки.

Время бесценно. Его не скачаешь
и на зиму не засушишь.
Сколько минут ни меряй килорублями,
Ни на одних торгах деревянная колотушка

Не покончит с его щетинистыми
векторами.

Вот так и живем: время не меряем,
а примеряем.
К девяноста – стремимся слиться
с землей обветшалой.
И если бы время кормило не солью,
а караваем,
Стремились бы к форме земного шара.

Тот, кто дает нам время перекроить
историю и пространство,
Тот выдает нам часы свои, как дружину.
И пока здесь ссорятся православие
и мусульманство,
На политической карте мира
усердно зачеркивают Украину.

Время вздыхает: ну что ж,
все как будто по плану.
Прямиком, абсолютно по плану Даллеса.
Прости же нас, Господи,
мы не выйдем из этой нирваны.
Скорей удавимся.

Хлеба и зрелищ, и только со временем –
водки.

Входы и выходы вырыты нашим каное.
Что тут поделаешь, мы-то ребята четкие,

Про чистоту

Снег на крыльце – как детская манная каша:
Кроме ботинок рваных, никто не ест.
Мать батарейных кошек добрая баба Маша
Ранним субботним утром метет подъезд.
Каждый пустык, оставленный днем
вчерашним,
Старые руки сметают в облезлый таз.
Так баба Маша прячет улики наши
От посторонних, непосвященных глаз.
Если на пятом ржавая банка за ночь
Нервных окурков умножила до краев,
Значит, несчастный муж Алексей Иванович
Поздно гляделся в окна и ждал Её.
Ниже, в восьмой квартире,
болеет мальчик,
Мама ему всю ночь приносила чай.
Возле подъезда смятый листок маячит:
«Не закрывайте двери, мы ждем врача».

Добрая фея метет и метет быстрее –
В старом тазу совсем не осталось места.
Чтоб поутру они вышли из всех дверей
В чистую бабы-Машину синь подъезда.

Молодость

Тысячу раз откладывая на потом,
Ведь потом – это много-премного мест.
Вот она, наша молодость. Думать лбом.
Учиться. Ни в какое дерьмо не влезть.
Нашему опыту нынче грошовая стоимость.
Редкие бороды, Молотов из бутылки.
Вот она какая, наша молодость:
Заманухи, шутеры и бродилки.
Хоть на вшивость, хоть на ощупь
пробуй нас.

Наш ответ свидетелям Иеговы:
Вот она какая, наша молодость,
Ничего заветного и святого!..
Модная небритость – усы да бороды,
То ль поэт слегка, то ли чья-то драма.
Вот она какая, наша молодость:
Убери детей своих от экрана...

МИНИАТЮРЫ

* * *

Старых прогнозов погоды готов альманах,
Осень своей упивается температурой,
Пахнет землей и резиной на улице хмурой.
Осень – опасная штука в умелых руках.

Старых ошибок в бессонную ночь наберем,
Будто уходят из жизни увядшие нервы,
Просто у нас этот приступ осенний
не первый.
Кто ей позволил испытывать нас октябрём?

* * *

Все в этом мире уже было. Много раз.
Давно.
Все относительно. И даже эти войны –
ураганы.
Но для кого-то все летит к чертям
и все идет на дно.
А для кого-то все ништяк.
И все идет по плану.

* * *

Снова к финишу мая я теряю покой.
Там метет и не тает над ямальской тайгой.
Здесь по-летнему душно,
здесь калечимся мы.
Это северным душам не хватает зимы.

БРИ

После

Мелькают прожженными дырками
сентябри,
Хранилище слез в овальных осенних
лужах.
В коричневом новом платье хоронит мужа
Печальная – настоящая леди – Бри.
По-новому дышит со вкусом одетый дом:
Ни грамма вещей холостяцкого интерьера.
И Бри, неизменная в цвете волос и вере,
Сидит у окна с сигаретой и коньяком.
Цветочные стены, фото в большом
квадрате
(Честнее за грошик выписанных картин),
Где искренне улыбаются дочь и сын,
Сменившие дом на колледж в соседнем
штате.

Бри и церковь

А Бри достает из душистой духовки торт.
И торт, как всегда, безупречен.
Уже привычно.
Хорошей жене и истинной католичке
Его отнести больше некуда, как в приход.

Что делать разбившимся душам,
отец Левкой,
Когда от любви остается кусок надгробья?
Устало коснется руки ее преподобный:
Послание Коринфянам, абзац второй.

Подруги и Бри

Терзают китайской пыткой календари,
И время не лечит, скорее, сдвигает сроки.
Подруги не приглашают теперь на покер
Свободную, одинокую леди Бри.
Знакомый порядок в их жизненном
багаже.
Подруги сказали достаточно утешений.
Не шлют на субботние ужины
приглашений
Подруги, что крепко держатся за мужей.

Бри и вечер

Удушье, которое смертному не ослабить.
Которое – боль, хоть маску держи,
хоть ври.
С коктейлем из гренадина и водки Бри
В прокуренном многолюдном
ирландском пабе.
Покуда лайтбоксом неоновым не сгорит

Вчерашнее (ставшее лучшим,
но бесполезным),
Лекарством от примитивной ее болезни
Веселый бармен до краев наполняет Бри.
Пусть этот путь исхожен и трижды клят,
Пусть каждое утро бывает до рвоты
серым,
Ведь Бри в прошлой жизни уже побывала
примером
Для тех, кто теперь надменно
отводит взгляд.

Бри и огонь

Не все ли равно, на что её жизнь похожа
И что там таит в глазах ледяная Бри?
Но женское сердце беснуется и горит
Под бархатной,
под голодной прозрачной кожей.
Вернуть себе каплю жизни за сон дневной,
А ночь проживать игрою под их руками.
И Бри остается с кровью и синяками,
Но это, пожалуй, приятней,
чем спать одной.
Гасите свои любопытные фонари,
Луна освещает детали в одном исподнем.
Какое вам дело, с кем делит постель
сегодня
Сгорающая до пепла блудница Бри?

Бри, жизнь и смерть

Грошова жизнь –
 лишь мрачный сюжет о том,
Как тысячи атмосфер – на худые плечи.
Забрать из комода кольт,
 что жесток и вечен,
И номер мотеля закрыть изнутри
 ключом...

Будильник звонит,
 словно колокол золотой,
А Бри надевает перчатки
 из тонких кружев.
Сегодня подруга Филлис хоронит мужа.
Надгробную речь произносит отец
 Левкой.

Здесь озноб

И куда сбежишь-то тут? Никуда-то.
Осень в этот раз начинает круто.
Я сбегаю скурвившимся солдатом,
Смуглым мальчиком с беспокойного
Хасавюрта.
Эта осень сразу вычислит теплокровных:
Кто под Бьянкой корчится на диване,
Кто сжигает вещдоки в бездушных
домнах,
Кто профукал свой покер на одевание.
Здесь озноб безотчетный, осенний,
древний.
Осень выцепит первых, дающих повод,
Бедолаг, что не пишут стихотворений.
Но какое мне дело до них? Никакого.

Содержание

Дорога в обратную сторону.....	3
Демисезон.....	4
Выходное.....	5
Ямальское.....	6
О похоти.....	7
Простое придорожное.....	8
Золото.....	9
Миха.....	10
Перьевое.....	11
На севере.....	12
Любовная лирика.....	13
Темнота.....	14
Отбой.....	15
Мамина песня.....	16
Такое время.....	17
Про чистоту.....	20
Фикции.....	21
Паблик.....	22
Молодость.....	23

Миниатюры

«Старых прогнозов погоды готов альманах...».....	24
«Все в этом мире уже было. Много раз. Давно...».....	24
«Снова к финишу мая я тряю покой...».....	24

Бри

После.....	25
Бри и церковь.....	25
Подруги и Бри.....	26
Бри и вечер.....	26
Бри и огонь.....	27
Бри, жизнь и смерть.....	28
Здесь озноб.....	29

Виктория Александровна Шишкина
Здесь озноб

Рецензент Виталий Молчанов
Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
На обложке фото Олега Рукавицына

Издательский центр МВГ
E-mail: wgmoses@mail.ru
Тел. (3532) 55-41-99

Подписано в печать 18.11.2016 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15.
Тираж 200 экз. Заказ №_____.